

Кризис современной демократии*

I

Старорежимным радикалам

За последнее время часто приходится выслушивать и вычитывать нападки на нашу идеологию, исходящие из лагеря неисправимых демократов, доселе живущих «светлыми идеалами русской интеллигенции». Нападки эти, конечно, обличают в нас прежде всего «реакционеров», славянофилов, сторонников К. Леонтьева и т. д. Нападающие очень довольны, что получили возможность оперировать старыми этикетками, и усердно нацепляют их привычными руками. Разумеется, преобладающую роль в этом деле играют правые социалисты и кадеты-милюковцы (ср., например, статью г. Мирского² «Приходящие справа», по поводу моих «Фрагментов»³ в «Последних Новостях» от 8 июня⁴).

Сейчас мне хочется отметить лишь один момент в такого рода критике: — **момент прямо-таки чудовищного консерватизма, присущего русским радикалам.** Притом консерватизма наиболее бесплодного, узко формального, того самого, который столь блестяще был развенчан старыми «Вехами».

Казалось бы, крушение исторической России и сотрясение исторической Европы заставит русскую интеллигенцию задуматься о самой себе, о своей горькой судьбе, переоценить многие из ценностей, казавшиеся десятки лет незыблемыми. Иными глазами взглянуть и на своих традиционных властителей дум, иными глазами взглянуть и на государство, и на национальную культуру, и на вождей «одиозной» линии русской мысли: Достоевского, Данилевского⁵, Леонтьева... Несколько иначе отнестись, страшно вымолвить, даже и к таким историческим фигурам, как Иван Грозный⁶...

Казалось, что потрясающий опыт революции привел большую дорогу русской интеллигенции к обрыву, в котором она обретет целительный «кризис сознания», благодетельный «катарзис»⁷.

* «Под этим общим заголовком я объединяю четыре свои статьи, написанные в разное время, но связанные единством основной темы. Если некоторые отдельные, конкретные утверждения статьи “Шестой октябрь” в настоящее время могут считаться устаревшими, даже ошибочными, общий смысл как этой статьи, так и остальных трех, мне кажется, остается вполне свежим и теперь»¹.

Вместе с тем так ясно чувствовалось, что революционный огонь переплавил все былые наши политические категории, что смешно и нелепо теперь оперировать старыми журналами, упиваться трафаретами «правизны» и «левизны», молиться на опустошенный алтарь отвлеченного, формального «народоправства» и в заветах французской революции по-прежнему усматривать всю «суть глубочайшей науки и смысл философии всей».

И вдвойне представлялась нелепой и неуместной та поза «воплощенной укоризны» перед отечеством, которая служила предметом усиленной гордости нескольких поколений русской интеллигенции. «Укорять» ей следовало прежде всего саму себя... Одним словом, революция беспощадно обнаружила глубочайшую внутреннюю несостоятельность всей идеологии нашего традиционного радикализма и глубочайшую фальшь его психологии.

К этому следует прибавить факт несомненного в наши дни кризиса политических форм западного конституционализма, ведущих свое начало от французской революции. Трудно еще предсказать, что выйдет из этого кризиса, куда он приведет. Но вряд ли объективный его смысл будет всецело соответствовать субъективным ожиданиям человеческих масс, с ним связываемым. Он протекает в атмосфере надежд на «увеличение здания» демократического прогресса, он обуславливается столь распространенной еще в наши дни «восторженной холерой демократии и общего блага»⁸ (Леонтьев). Но его результаты глядят в иной план исторического бытия. История развивается диалектически.

«В истории чередуются дневные и ночные эпохи, — замечает Н. А. Бердяев в своей недавней статье о Шпенглере («Предсмертные мысли Фауста»)... — И мы стоим у грани [новой] ночной эпохи. День новой истории кончается. Рациональный свет ее гаснет. Наступает вечер... По многим признакам наше время напоминает начало раннего средневековья. Начинаются процессы закрепощения, подобные процессам закрепощения во времена императора Диоклетиана⁹. И не так неправдоподобно мнение, что начинается феодализация Европы. Процесс распада государства совершается параллельно универсалистическому объединению»...¹⁰

Как бы то ни было, — идет новая эпоха, корни которой уходят в глубину высших откровений исторического Духа, но своеобразие которой отчетливо ощущается и в плоскости общественных отношений, политических форм. Формальная демократия повсюду переживает сумерки, едва ли не превращается в собственную противоположность. История словно стремится воспроизвести некоторые черты государства просвещенного абсолютизма, только, конечно, в существенно

новом выражении, в иной обстановке. Индивидуализм XIX века, всесторонне развивая свои определения, переходит в «этатизм» XX-го, новые социальные идеи, становясь мощной, активной силой, решительно трансформируют облик современного человечества. Весь этот процесс бесконечно осложняется болезнью европейской культуры, ставящей под вопрос и под удар многие общепризнанные, казалось бы, ценности новейшей европейской истории. Но, параллельно темным признакам наступающего периода, можно различить и несравненные духовные достижения, которыми он чреват и которые отличают его от предшествующего.

В свете совершающегося великого исторического перелома, уже явственно ощущаемого и наиболее чуткими ушами Запада, особенно знаменательное значение приобретают предчувствия и предвестия тех русских мыслителей, писателей и публицистов, которые, пребывая в стороне от прямого западнического влияния в России, провидели неизбежность грядущего сдвига в судьбах европейского человечества. Нельзя уже теперь к ним относиться свысока, мерить их запыленными трафаретами обмельчавших идей уходящего века. Прав Бердяев, что книга Шпенглера, явившаяся откровением для Европы, *«не может слишком поразить тех русских людей, которые давно уже ощущали кризис, о котором говорит Шпенглер»*. Совершенно ясно, что *«в мыслях Шпенглера есть какое-то вывернутое наизнанку, с противоположного конца утверждаемое славянофильство»*. «Славянофильские» мотивы, обновленные и углубленные жизнью, звучат все слышнее и определеннее не только в России, но и в Европе. Русское влияние на Западе становится ощутительным, как никогда...

Это влияние обязывает. Его не оправдаешь перепевами вечерних западных мелодий, столь любезных сердцу «Последних Новостей» с господами Мирскими. И недаром русская революция, западническая по официальным своим схемам, всем жизненным своим воплощением ниспровергает устои «великих принципов 89 года». В ней и через нее впервые переживают эти принципы крутое испытание, от коего вряд ли уж оправятся. Нужны какие-то новые откровения, на почве изжитых начал исцеление человечества немислимо.

«Реакция»? «Обскурантизм»? — Эх, господа, оставьте, право, эти плакатные формулы и смешные жупелы. Пора уже признаться, что они канули в лету вместе с дореволюционной русской интеллигенцией, ими наивно упивавшейся. Помните, что это **именно в вас** шевелится старорежимная психология, когда вы пытаетесь реставрировать «незыблемые ценности русского радикализма», как недавно с напыщенностью выразился некий приват-доцент из «Голоса России»...¹¹

Реакционеры те, кто хочет восстановить прошлое. Но нужно быть... Марковым Вторым¹² или здешним «воеводой» Дитерихсом¹³. К формам безвозвратно ушедших времен человечество не вернется. Не вернешь старую монархию, как не заставишь никого вновь поверить в мистику голубой крови и белой кости. Идти можно и нужно не назад, а вперед. Но откуда видно, что это «вперед» заключается все в той же парламентской демократии и магической четыреххвостке¹⁴, которые на наших глазах вызывающе бессильны спасти Европу от худосочия, становящегося хроническим? Откуда видно, что Россия, вместо того, чтобы в муках искать своего собственного выхода, предчувствованного ее глубочайшими умами и болезненно нащупываемого ее великой революцией, — откуда видно, что вместо этого она должна пасть ниц перед линияющими западными канонами, зачеркнуть свою культуру и свою революцию, дабы скорее обзавестись «мирной демократической конституцией»?

Я сейчас еще ничего не решаю, — я лишь констатирую исключительную мелкотравчатость критики, направляемой по нашему адресу со стороны замаринованных европейской атмосферой старорежимных русских демократов. И чтобы лишний раз скомпрометировать себя в их глазах преступным цитированием Конст[антина] Леонтьева, заключу свою реплику следующей выдержкой из его «Востока, России и Славянства»¹⁵:

«Надо желать, чтоб якобинский либеральный республиканизм оказался совершенно несостоятельным: и не перед реакцией монархизма, а перед коммунарной анархией (курсив Леонтьева); ибо монархическая реакция все-таки прочна не будет, а только собьет еще раз с толку наше и без того плохое общественное мнение... торжество же коммуны, более серьезное, чем минутное господство [18]71 года, докажет несомненно в одно и то же время и бессилие «правового порядка», искренно проводимого в жизнь (чем искреннее, тем хуже!), и невозможность вновь организовываться народу на одних началах экономического равенства. Так что те государственные организмы, которым еще предстоит жить, поневоле будут вынуждены избирать новые пути, вовсе непохожие на те пути, по которым шла Европа с [17]89 года. Большинство не умеет ни отвлеченно предвидеть, ни художественно предчувствовать: большинству нужны наглядные примеры»¹⁶.

Пора понять, что мы реально вступаем в новую историческую эпоху, когда «аргументы от радикализма», коими ныне кокетничают «Последние Новости», будут мирно покоиться в музеях древности, подобно алебардам и екатерининским каретам. Пора понять, что

эта новая эпоха будет запечатлена более, нежели всякая другая, **мировым влиянием России и русской культуры.**

Обратимся же, наконец, к самим себе!

III

В № 507 «Накануне» от 16 декабря 1923 г., в статье «О себе», Н. Устрялов и его группа были причислены к т. н. «формальным демократам». Проф. Устрялов не принимает этого определения, и пишет нам, что в ряде статей он высказывает другую точку зрения, характеризуемую прилагаемой ниже статьей «Фрагменты». Давая место этой статье одного из основоположников «сменовеховства», ред[акция] с удовлетворением отмечает, что, неизбежные при оторванности огромным расстоянием и разности обстановок, расхождения между нею и Н. Устряловым по вопросу о кризисе демократии не так велики по существу, как это могло бы показаться с первого взгляда.

*Редакция*¹⁷

К модной теме о «кризисе демократии»

<Фрагменты>

Да, тема, бесспорно, модная. О переломе исторических путей теперь читаешь не только у философствующих «романтиков», вроде Шпенглера или Бердяева, но и у писателей трезвого ума, острого взгляда, точной науки: достаточно припомнить хотя бы знаменитого итальянского историка Ферреро¹ и наших выдающихся ученых Виппера² и Ростовцева³.

От этой темы нельзя благодушно отмахнуться: «кризис», мол, «выдумали профессора», подобно тому, как врачи выдумывают болезни. Все, мол, обстоит благополучно на прилизанных дорожках раз навсегда налаженного прогресса. Такой элементарный, обывательский оптимизм просто слеп. Он даже не чувствует проблемы. Споры с ним поэтому совершенно бесполезны. По отношению к нему применим известный совет Ницше: «Бывают противники, с которыми можно сделать только одно:

— Пройти мимо»...⁴